

МАКСИМ ВЗОР

НЕ ТА

Екатерина!

Максим Взор

Не та Екатерина!

<https://litres.ru/74447592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сорокалетняя политтехнолог Екатерина Лаврова умирает в переговорной — и приходит в себя в теле четырнадцатилетней немецкой принцессы Софии Фредерики Августы, которую в России называют Фике. Карета скрипит по снегу, мать читает нотации, а впереди — восемнадцать лет до момента, когда эта девочка станет Екатериной Великой. Только вот история уже пошла не по плану: вместо покорной невесты в Россию едет женщина, которая двадцать лет учила кандидатов не отвечать на вопросы, которых им не задавали.

Она знает исход. Значит, знает и ошибки — мужа-неудачника, императрицы, которая не терпит соперниц, придворных, готовых предать за мелкую выгоду. Но знание будущего не гарантирует победы, если каждое твоё действие меняет это будущее. Ей предстоит выжить среди шпионов, сохранить доверие опасной Елизаветы, не дать матери погубить себя перепиской, завоевать расположение слуг и стать той, кого не захотят забыть, когда наступит момент.

Максим Взор

Не та Екатерина!

Глава 1. Не та , совсем не та

К тому времени, когда Екатерина поняла, что умерла, карета успела проехать ещё две версты.

Смерть оказалась удивительно неудобной.

Под колёсами скрипел снег. За задёрнутыми занавесками покачивался тусклый фонарь. Напротив сидела незнакомая женщина в меховой накидке и говорила по-французски:

— Ты опять побледнела. Тебе дурно?

Екатерина понимала каждое слово.

Это было странно, потому что французский она знала на уровне средней школы, а незнакомая женщина произносила фразы быстро и раздражённо.

— Нет, мама, — ответила Екатерина.

Слово вырвалось само.

Женщина нахмурилась:

— Ты назвала меня «мама».

— А как я должна вас называть?

— Фике, прекрати.

Имя ударило сильнее пощёчины.

Екатерина опустила взгляд.

Руки, лежавшие на коленях, были не её. Узкие ладони, тонкие пальцы, ногти коротко подстрижены. На правом ука-

зательном пальце — след от чернил.

Она подняла руку и коснулась лица.

Кожа была гладкой. Подбородок — острым. Никаких морщинок, появившихся после тридцати пяти. Никакого шрама возле брови, оставшегося после детского падения с велосипеда.

— Дайте зеркало.

— Зачем?

— Пожалуйста.

Женщина достала маленькое зеркало в серебряной оправе.

Из него на Екатерину посмотрела девочка.

Неизвестная, бледная, испуганная.

И всё же знакомая.

Этот портрет она видела в учебниках, музеях и исторических статьях, которые читала перед одной из кампаний. Немецкая принцесса. Бедная родственница европейских домов. Будущая жена наследника русского престола.

София Фредерика Августа.

Фике.

Будущая Екатерина Вторая.

Екатерина закрыла зеркало.

Последним воспоминанием прежней жизни был экран в переговорной. На нём горел заголовок презентации: «Образ не заменяет доверия». Кто-то спорил о цифрах исследования. Потом в груди стало тесно, пол качнулся, а лица коллег

расплылись.

Ей было сорок. Теперь — четырнадцать или пятнадцать.

Она умерла и очнулась в теле девочки, которая однажды станет императрицей.

Если, конечно, не испортит всё раньше.

— Где мы? — спросила она.

Мать посмотрела настороженно.

— Недалеко от Москвы.

— Какой сегодня день?

— Ты ударилась головой?

— Я хочу знать, долго ли мы в дороге.

Вопрос прозвучал неубедительно.

Женщина назвала дату.

Это было число и месяц в 1744 году.

Екатерина повернулась к окну и отодвинула занавеску. За стеклом лежал бесконечный снег. Чёрные деревья тянули к дороге ветви. Впереди двигалась охрана, за каретой следовал обоз.

До известного ей восшествия на престол оставалось восемнадцать лет.

Восемнадцать лет унижений, ожидания и брака с человеком, которого история превратит в карикатуру. Восемнадцать лет до ночи, когда она получит власть.

Но история уже изменилась.

Настоящая Фике исчезла. Вместо неё в Россию ехала женщина, которая двадцать лет создавала чужие репутации, изу-

чала общественное мнение и учила кандидатов не отвечать на вопросы, которых им не задавали.

Екатерина закрыла глаза.

Нужно было определить цель.

Первая цель: выжить.

Вторая: не выдать себя.

Третья: получить доступ к людям и сведениям.

Четвёртая...

Трон?

Она едва не рассмеялась. У неё не было даже собственных денег. Платье, карета, слуги — всё принадлежало другим. Решение о её браке уже приняли без неё.

Женщина напротив внимательно наблюдала.

Мать Фике. Иоганна Елизавета. Честолюбивая, нервная, склонная к интригам. В будущем она станет для дочери не опорой, а угрозой.

Екатерина почувствовала боль.

Она не знала эту женщину. Но тело знало.

Где-то под чужими воспоминаниями жила девочка, желавшая материнского одобрения. Чувство было таким сильным, что Екатерине пришлось отвернуться.

— Ты боишься встречи с императрицей? — спросила Иоганна.

Правильным ответом было бы признание. Напуганная девочка не вызовет подозрений.

— Да.

— Не показывай этого. Елизавета любит живость и скромность. Не молчи, но и не говори слишком много. Хвали всё русское. Особенно её.

Готовые указания. Плохие, потому что слишком очевидные.

— Она не заметит лесть?

— Все замечают лесть. Важно, чтобы она была приятной.

Екатерина посмотрела на мать.

— А если я ей не понравлюсь?

— Тогда мы вернёмся домой.

По голосу Иоганны было понятно: возвращение станет катастрофой.

Для настоящей Фике это означало бы потерю великого будущего.

Для Екатерины Лавровой — возможно, спасение.

Но внутри поднялось чужое упрямство.

Девочка не хотела возвращаться. Она уже решила понравиться России, ещё не увидев её.

Екатерина снова посмотрела в окно.

Она знала исход прежней истории. Знала имена людей, которые однажды поддержат будущую императрицу. Знала ошибки Петра. Знала, какие события принесут Екатерине славу.

Но знание результата не гарантировало победы.

Любая кампания начиналась не с лозунга, а с исследования.

Кто принимает решение? Чего он боится? Чего хочет? Какую историю рассказывает о себе?

Пока решение принимала одна женщина.

Елизавета Петровна.

Следовательно, первой аудиторией Екатерины была императрица.

— Фике, — сказала мать, — ты меня слушаешь?

— Да.

— О чём ты думаешь?

Екатерина посмотрела на собственные тонкие пальцы.

— О том, как понравиться человеку, который привык, что ему нравятся все.

Карета качнулась.

Иоганна прищурилась:

— Иногда ты говоришь так, будто тебе намного больше лет.

Первое предупреждение.

Екатерина улыбнулась — смущённо и немного виновато.

— Наверное, я просто устала, мама.

Иоганна удовлетворённо кивнула.

Екатерина отвернулась к окну.

Никаких записей. Никаких схем. Никаких писем с откровениями. В мире, куда она попала, чужая тайна стоила слишком дорого, чтобы оставаться тайной.

План придётся хранить в голове.

Она прижала ладонь к холодному стеклу.

— Восемнадцать лет, — прошептала она.

— Что?

— Я сказала, что дорога кажется бесконечной.

Это была её первая ложь в России.

Но далеко не последняя.

Глава 2. Избирательница номер один

Императрица Елизавета оказалась красивее своих портретов и опаснее всех, кого Екатерина встречала в прежней жизни.

Она сидела не на троне, а в глубоком кресле у окна. На ней было серебристое платье, расшитое так щедро, что при каждом движении по ткани пробегал свет.

Вокруг стояли придворные.

Десятки лиц. Десятки будущих союзников, противников и перебежчиков.

Екатерина не знала большинства из них.

Это тревожило сильнее, чем встреча с императрицей.

Она привыкла входить в зал, имея досье на каждого важного участника. Здесь её знания состояли из школьного курса, нескольких биографий и исторических книг, прочитанных без намерения однажды применять их на практике.

Иоганна присела в глубоком реверансе.

Екатерина повторила движение.

Колени дрогнули. Она позволила им дрогнуть.

Безупречная уверенность была бы ошибкой.

— Подойди, дитя, — произнесла Елизавета.

Екатерина приблизилась.

Императрица рассматривала её без стеснения: лицо, волосы, руки, фигуру. Так осматривают драгоценность перед покупкой или лошадь перед скачкой.

— Худенькая, — сказала Елизавета.

Кто-то из придворных усмехнулся.

Екатерина почувствовала, как тело Фике напряглось. Видимо, девочку часто оценивали именно так.

— Дорога была долгой, ваше императорское величество.

Она ответила по-французски. Голос не подвёл.

— Говорят, ты прилежна.

— Иногда даже слишком.

— Это как?

— Когда я стараюсь запомнить всё сразу, то забываю самое простое.

Елизавета улыбнулась.

Небольшая победа.

Самоирония обезоруживала, если не превращалась в самоунижение. Екатерина использовала её сотни раз, готовя публичных людей к неудобным встречам.

— А что ты уже успела запомнить о России? — спросила императрица.

Ловушка.

«Какая великая страна» — слишком грубо. «Мне здесь нравится» — пусто. Демонстрация исторических знаний вызывает вопросы.

Екатерина посмотрела на окно. За стеклом падал снег.

— Здесь всё больше, чем ожидаешь, — сказала она. — Дороги, дворцы, холод. Думаю, и требования к человеку тоже больше.

Улыбка исчезла с лица Елизаветы.

Иоганна едва заметно шевельнулась.

Екатерина поняла, что рискнула.

— Ты боишься этих требований? — спросила императрица.

— Боюсь не оправдать их.

— Хороший ответ.

— Это правда.

Елизавета протянула руку.

Екатерина наклонилась и коснулась её губами. Императрица задержала пальцы на её подбородке и заставила поднять лицо.

— Правду здесь говорят редко, дитя.

— Тогда её трудно отличить от хорошо составленной лжи.

Тишина стала плотной.

Иоганна, должно быть, уже мысленно собирала вещи для обратной дороги.

Елизавета смотрела Екатерине в глаза.

Затем рассмеялась.

Придворные поддержали её с небольшим опозданием.

Екатерина отметила это автоматически. Кто засмеялся первым, кто ждал реакции, кто остался неподвижен. Двор

говорил паузами не меньше, чем словами.

— Она мне нравится, — объявила императрица.

Напряжение ослабло.

Екатерина опустила взгляд, изображая облегчение. На самом деле облегчение было настоящим.

Елизавета заговорила с Иоганной. Екатерина получила возможность осмотреться.

Возле камина стоял худой юноша с бледным лицом. Наследник Пётр. Он смотрел не на будущую невесту, а на свои сапоги.

Чуть дальше находился молодой мужчина в мундире. Тёмные волосы, спокойное лицо, внимательный взгляд.

В отличие от остальных он не пытался ей улыбнуться.

Он наблюдал.

Екатерина встретила с ним глазами. Незнакомец слегка поклонился, но взгляда не отвёл.

Опасный человек, решила она.

Не потому, что выглядел жестоким. Наоборот. Он умел оставаться незаметным в комнате, где каждый старался обратить на себя внимание.

Елизавета закончила разговор с Иоганной.

— Сергей, — позвала она.

Молодой мужчина подошёл.

— Граф Салтыков будет помогать вам привыкнуть к нашему двору.

«Помогать».

В прежней жизни этим словом часто называли контроль, навязанный под видом услуги.

Салтыков поклонился Иоганне, потом Екатерине.

— Для меня это честь.

— Надеюсь, не слишком тяжёлая, — ответила Екатерина.

— Я привык исполнять поручения её величества.

Не «рад помочь». Не «к вашим услугам».

Исполнять поручения.

Елизавета переводила взгляд с него на Екатерину. Так заказчик смотрит, поняли ли исполнители задачу.

Екатерина снова присела в реверансе.

Первая встреча закончилась удачно. Елизавета запомнила её, но пока не увидела угрозы.

Теперь следовало совершить что-нибудь простое и безопасное. Поблагодарить, удалиться, не пытаться закрепить успех лишними словами.

Однако у двери Екатерина оглянулась.

Елизавета уже разговаривала с другим придворным. Салтыков продолжал смотреть на Екатерину.

Она поняла главное.

Императрица не просто дала ей помощника.

Она приставила к ней глаза.

Глава 3. Глаза графа Салтыкова

На следующее утро Сергей Салтыков принёс Екатерине три книги, список придворных правил и предупреждение.

— Вашей матушке не следует писать некоторые письма.

Иоганна ещё не вышла к завтраку. В комнате находились только Екатерина, граф и пожилая служанка, не понимавшая французского.

По крайней мере, она делала вид, что не понимала.

— Какие именно? — спросила Екатерина.

— Те, которые могут прочитать не только адресаты.

— Здесь вскрывают письма?

Сергей взглянул на служанку.

— Здесь письма иногда раскрываются сами.

Екатерина провела пальцем по корешку верхней книги.

— Почему вы предупреждаете меня?

— Чтобы вам было легче привыкнуть ко двору.

— Таков приказ императрицы?

— Разумеется.

Он отвечал спокойно, не защищаясь и не пытаясь расположить её к себе.

Сергею было не больше восемнадцати. Однако в нём отсутствовала юношеская торопливость. Он уже научился придворному искусству: присутствовать, не открывая ничего лишнего.

— А что ещё приказала вам императрица?

— Отвечать на ваши вопросы.

— На все?

— На те, которые вы решитесь задать.

Екатерина улыбнулась.

Граф был хорош.

Если бы она составляла его психологический профиль, то отметила бы дисциплину, наблюдательность, осторожное честолюбие и привычку скрывать собственные желания. Последнее делало его особенно опасным.

— Хорошо. Кто при дворе желает, чтобы я стала женой наследника?

Салтыков не ожидал такой прямоты.

Пауза длилась меньше секунды, но Екатерина её заметила.

— Её величество пригласила вас в Россию.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который сейчас имеет значение.

— А кто желает, чтобы я уехала?

— Те, чьих родственников не пригласили вместо вас.

— Их много?

— Почти у каждого придворного есть родственница.

— Значит, много.

Сергей склонил голову.

— Вы быстро учитесь.

— Я ещё не начала.

Она раскрыла список правил. В нём подробно объяснялось, кто перед кем должен кланяться, кому позволено сидеть и в какой последовательности входят в зал.

— Здесь написано, кто важен формально, — сказала Ека-

терина. — А кто важен на самом деле?

Сергей посмотрел на неё внимательнее.

— Вам пятнадцать лет.

— Пока четырнадцать.

— Тем более.

— Возраст мешает мне задавать вопросы?

— Нет. Но объясняет, почему окружающие могут испугаться.

— Моего возраста?

— Того, что вы замечаете разницу между положением и влиянием.

Екатерина закрыла книгу.

— Вы будете сообщать императрице содержание этого разговора?

— Если она спросит.

— Она спросит?

— Она всегда спрашивает.

Честность могла быть приёмом. Но и хорошо подобранный приём иногда сообщал правду.

— Тогда передайте, что я скучаю по дому, боюсь русской зимы и думаю только о нарядах.

— Это неправда.

— Именно поэтому и передайте.

Сергей впервые улыбнулся.

— Вы хотите проверить, перескажет ли её величество мои слова?

— Я хочу проверить, насколько точно вы выполняете просьбы.

— Я не ваш слуга.

— Нет. Вы мой наблюдатель.

Улыбка исчезла.

Служанка продолжала перебирать бельё, но её движения замедлились.

Салтыков подошёл к окну.

— При дворе все наблюдают друг за другом.

— Но не всем поручают писать отчёты.

Он обернулся.

— Вы обвиняете меня?

— Зачем? Вы исполняете приказ. Я лишь хочу понимать правила.

— Правила меняются.

— Цели тоже?

— Реже.

— И какова ваша цель, граф?

Он ответил не сразу.

— Не оказаться на стороне человека, который проиграет.

Фраза прозвучала почти без выражения.

Екатерина почувствовала холодок.

Она знала, кто должен победить через восемнадцать лет.

Салтыков этого знать не мог.

Пока.

— Тогда вам придётся очень внимательно смотреть, —

сказала она.

— Это мне и поручено.

Дверь открылась. В комнату вошла Иоганна.

— О чём вы беседуете?

Екатерина повернулась к ней с беззаботной улыбкой:

— Граф рассказывает мне о зиме. Он считает, что я её боюсь.

Сергей не поправил её.

Это была маленькая, почти ничего не значащая ложь.

Но теперь она принадлежала им обоим.

Глава 4. Жених с игрушечным двором

Пётр принял её в комнате, где на столе стоял деревянный город.

По улицам были расставлены фигурки. Крошечные офицеры застыли возле ворот, миниатюрные барабаны лежали рядом с выстроенными рядами солдатиков.

Наследник сидел на полу и прикреплял одной фигурке сломанную руку.

Увидев Екатерину, он вскочил.

— Вы пришли раньше.

— Мне сказали прийти в три.

Пётр посмотрел на часы.

— Они спешат.

— Значит, мы оба правы.

Он не улыбнулся.

Сергей остановился у двери. Формально он сопровождал

Екатерину. Фактически присутствовал при встрече будущих супругов, чтобы никто позднее не мог исказить её содержание.

— Можете идти, — сказал ему Пётр.

— Её высочество поручено мне.

— Она не потеряется в одной комнате.

— Иногда именно в одной комнате теряются чаще всего, ваше высочество.

Пётр нахмурился, но спорить не стал.

Екатерина подошла к столу.

— Это ваш город?

— Крепость.

— У неё есть название?

— Нет.

— Почему?

Пётр пожал плечами:

— Название ничего не меняет.

— Люди привязываются к названиям.

— Здесь нет людей. Только фигурки.

Он сказал это резко, словно заранее ждал насмешки.

История рассказывала о нём просто: инфантильный, неприятный, неспособный управлять собой и страной.

Живой Пётр оказался труднее.

Тонкая шея, нервные пальцы, воспалённые глаза. Подросток, который знал, что однажды получит огромную власть, но не знал, что делать с людьми уже сейчас окружавшими

его.

Екатерина могла польстить ему. Попросить объяснить устройство крепости, восхититься знаниями, позволить почувствовать себя наставником.

Проверенный приём.

Она почти начала говорить, но увидела сломанную фигуру у него в руке.

— Вы сами её чините?

— Слуги всё портят.

— Возможно, они боятся прикасаться к вашим вещам.

— Почему?

— Потому что не знают, какой будет ваша реакция.

Пётр посмотрел на неё с подозрением.

— Вы тоже меня боитесь?

Правильный ответ был очевиден.

«Нет, ваше высочество».

Но Екатерина вспомнила взгляд Елизаветы, Салтыкова у окна и мать, готовую сделать дочь частью собственных замыслов.

В этом дворце слишком многие говорили ожидаемые слова.

— Пока не знаю, — ответила она.

У двери Сергей чуть заметно шевельнулся.

Пётр сел на край стола.

— Остальные говорят, что не боятся.

— Значит, либо они вас хорошо знают, либо лгут.

— Меня здесь никто не знает.

В голосе наследника прозвучало облегчение. Словно он давно ждал, когда кто-нибудь это признает.

Он протянул Екатерине фигурку:

— Подержите.

Она взяла солдатика. Пётр нанёс на сломанную руку каплю клея и приложил её к туловищу.

— Теперь нельзя двигать, — сказал он.

— Долго?

— Пока не закрепится.

Екатерина посмотрела на неподвижную фигурку.

— Удобное правило.

— Для чего?

— Для всего сломанного. Жаль, с людьми оно не работает.

Пётр неожиданно рассмеялся.

Смех у него был резким, почти детским.

Екатерина встретила глазами с Сергеем. Тот наблюдал за ней уже не просто внимательно — настороженно.

Он понял, что она сделала.

Она не старалась понравиться наследнику. Она нашла его одиночество и заговорила непосредственно с ним.

Пётр показал ей крепость. Он объяснял назначение ворот, улиц и маленьких зданий. Екатерина слушала, иногда задавала вопросы, но не изображала восхищения.

— Вы умеете хранить секреты? — внезапно спросил он.

— Плохо.

Пётр замер.

— Почему вы признаётесь?

— Чтобы вы не доверили мне что-нибудь важное и потом не разочаровались.

— Тогда какой от вас толк?

— Я могу честно сказать, что секрет мне не нужен.

Он задумался.

— Вы странная.

— Мне уже говорили.

— Кто?

Екатерина покосилась на Салтыкова.

— Люди, которым поручено за мной наблюдать.

Пётр посмотрел на графа. Сергей сохранил невозмутимость.

Встреча закончилась через час.

В коридоре Салтыков сказал:

— Вы ему понравились.

— Не уверена.

— Он показал вам город.

— Крепость.

— Тем более.

Они прошли несколько шагов.

— Вы знали, что нужно сказать? — спросил Сергей.

— Нет.

— Не верю.

— Я собиралась льстить ему. Потом передумала.

— Почему?

Екатерина остановилась.

Можно было ответить: потому что честность выгоднее. Потому что Пётр окружён льстецами. Потому что доверие одинокого наследника может однажды спасти ей жизнь.

Все ответы были верными.

Но не полными.

— Мне стало его жалко.

Сергей посмотрел на неё так, словно этот ответ беспокоил его больше остальных.

— Жалость при дворе опасна.

— Для кого?

— Обычно для того, кто её испытывает.

Он пошёл дальше.

Екатерина оглянулась на закрытую дверь комнаты Петра.

В известной ей истории он был препятствием.

В этой — пока оставался мальчиком, чинящим сломанные игрушки.

Если она хотела победить его однажды, ей следовало уже сейчас превратить его в удобного противника.

Но тогда кем становилась она сама?

Глава 5. Болезнь как сообщение

Болезнь началась с боли в боку.

К вечеру Екатерина не могла глубоко вдохнуть. Ночью поднялся жар, а утром вокруг постели уже спорили врачи.

Один требовал кровопускания. Другой настаивал на согревающих компрессах. Третий говорил громче остальных, что придавало его словам убедительность.

Екатерина лежала под тяжёлым одеялом и вспоминала. Это уже происходило.

Юная Фике действительно тяжело заболела вскоре после приезда. Впоследствии Екатерина описывала, что отказалась от лютеранского пастора и попросила православного священника. Поступок понравился Елизавете и укрепил репутацию принцессы.

История сама подсказывала правильный ход.

Нужно было лишь повторить.

— Позовите пастора, — потребовала Иоганна.

Екатерина открыла глаза.

Комната двигалась. Лица расплывались, свечи оставляли в воздухе длинные полосы.

— Нет.

— Фике, ты больна. Тебе нужно исповедаться.

— Позовите православного священника.

Мать побледнела.

Врач перестал говорить.

Просьба прозвучала достаточно громко, чтобы её услышали слуги. Через час о ней узнает половина дворца. К вечеру — императрица.

В прежней жизни Екатерина назвала бы это идеальным информационным поводом.

Сейчас её трясло от жара.

— Ты не понимаешь, что говоришь, — прошептала Иоганна.

— Понимаю.

— Ты ещё не приняла их веру.

— Но собираюсь принять.

— Это безумие.

— Это мой выбор.

Мать наклонилась к ней:

— Или чья-то подсказка?

Екатерина закрыла глаза.

Подсказка пришла из будущего. От женщины, которой она должна была стать, но которой на самом деле не являлась.

Дверь открылась.

Вошёл Салтыков.

— Её величество осведомляется о здоровье принцессы.

Иоганна немедленно выпрямилась.

— Передайте, что врачи делают всё возможное.

— И что я попросила священника, — добавила Екатерина.

Сергей посмотрел на неё.

Даже сквозь жар она заметила, как быстро он всё понял.

— Я передам её величеству ваши слова.

— Все?

— Вы хотите что-нибудь добавить?

Екатерина могла произнести красивую фразу. О новой родине. О вере. О желании связать судьбу с Россией.

Но заранее подготовленные слова, сказанные с больничной постели, выглядели бы слишком совершенными.

— Нет, — ответила она. — Только это.

Сергей поклонился и вышел.

Священника привели через два часа.

Екатерина почти не помнила беседы. Она знала лишь, что должна быть спокойной, внимательной и благодарной. Потом врачи всё-таки взялись за свои процедуры, и мир исчез.

Она очнулась ночью.

Возле постели сидел Салтыков.

— Я умерла? — спросила Екатерина.

— Не сегодня.

— Жаль. Столько приготовлений зря.

— Вы шутите в горячке?

— Это дешевле лекарств.

Сергей налил воды и помог ей приподняться. Прикосновение было осторожным и безличным.

— Императрица приходила, — сказал он.

— Я её видела?

— Вы спали.

— Это невежливо с моей стороны.

— Она не обиделась.

Екатерина отпила воду.

— Значит, просьба сработала.

Сергей поставил стакан на стол.

— Вот, значит, как вы это называете.

Она слишком поздно поняла, что произнесла мысль вслух.

— Что именно?

— «Сработала». Не утешила. Не помогла. Не была услышана. Сработала.

Жар мешал придумывать безопасные ответы.

— Вы ведь всё равно напишете об этом.

— Вероятно.

— Тогда напишите точно.

— Что написать?

Екатерина посмотрела ему в глаза.

— Что я действительно собираюсь принять православие. Что я действительно хочу остаться в России. И что я понимала, какое впечатление произведёт моя просьба.

— Расчёт не делает поступок искренним.

— А искренность не запрещает человеку думать.

— Вам четырнадцать лет.

— Вы часто это повторяете.

— Потому что вы часто заставляете меня в этом сомневаться.

На мгновение Екатерине показалось, что он приблизился к разгадке.

Она отвернулась.

— Люди делают из расчёта гораздо худшие вещи, граф.

— Например?

— Женятся. Дружат. Клянутся в верности.

— А вы?

— Я пытаюсь выжить.

Сергей молчал.

— Это попадёт в отчёт? — спросила она.

— Нет.

— Почему?

— Больной человек может сказать то, чего не сказал бы в здравом уме.

— Очень удобное объяснение.

— Пользуйтесь, пока можете.

Он поднялся.

— Сергей.

Граф впервые услышал от неё своё имя без титула. Это остановило его у двери.

— Я не хочу ждать восемнадцать лет, — прошептала Екатерина.

— Чего?

Она уже закрывала глаза.

— Ничего. Это горячка.

Утром по дворцу распространилась история о том, что немецкая принцесса в тяжёлой болезни попросила русского священника.

К полудню рассказ дополнился подробностями. Будто бы она отказалась от пастора с возмущением. Будто произнесла

длинную речь о новой родине. Будто молилась на русском языке.

Екатерина не говорила ничего подобного.

Но история уже отделилась от неё и начала собственную жизнь.

Елизавета прислала драгоценный образ и личную записку.

Иоганна ходила по комнате с поджатыми губами.

Сергей стоял у окна.

— Поздравляю, — сказал он, когда они остались одни. — Теперь двор считает вас почти русской.

— Двор меня даже не знает.

— Это никогда не мешало двору иметь мнение.

Екатерина с трудом села.

Она получила первое заметное преимущество. Её поступок обсуждали. Императрица была довольна. Даже ложные подробности работали в её пользу.

В прежней жизни это назвали бы успешным началом кампании.

Но победа не радовала.

— Я не произносила речь, — сказала она.

— Через неделю все будут уверены, что произносили её вместе с вами.

— Можно остановить слух?

— Можно попытаться. Но тогда люди решат, что вы отказываетесь от красивой истории.

Екатерина посмотрела на присланный образ.

Вот она, настоящая власть чужого мнения. Образ уже существовал отдельно от человека, которого изображал.

— А что написали вы? — спросила она.

— Что вы попросили священника.

— И всё?

— И всё.

— Вы не упомянули наш разговор?

— Разговора не было. У вас был жар.

Он направился к двери.

— Почему вы мне помогаете? — спросила Екатерина.

Сергей остановился, не оборачиваясь.

— Я ещё не решил, помогаю ли вам.

Когда дверь закрылась, Екатерина снова легла.

Первый этап был пройден. Она попала в поле зрения императрицы, получила благоприятную молву и обнаружила возле себя человека, готового не включать в отчёты некоторые подробности.

Но главную ошибку она уже совершила.

Салтыков понял, что её поступки имеют скрытую цель.

Теперь ей предстояло убедить его, что эта цель не опасна.

Или сделать так, чтобы однажды он сам захотел её достижения.

Глава 6. Цена молчания

На следующий день жар спал.

Екатерина поняла это не по собственному самочувствию, а по тому, как изменилась комната. Пока она болела, вокруг

двигались бесшумно, говорили шёпотом и смотрели на неё так, словно она уже одной ногой стояла в могиле. Теперь служанки снова начали переставлять вещи без спроса, мать прислала записку с упрёком, а лекарь позволил себе недовольно заметить, что молодые особы часто преувеличивают слабость.

Жизнь возвращалась вместе с раздражением окружающих.

Салтыков появился после полудня. На этот раз без бумаг. Он вошёл, остановился у двери и дождался, пока служанка поправит одеяло и выйдет. Екатерина не торопила его. В прежней жизни она знала: если человек пришёл говорить неприятные вещи, молчание заставит его начать раньше, чем он собирался.

— Сегодня вы выглядите лучше, — сказал Сергей.

— Сегодня вы выглядите опаснее.

— Потому что пришёл без отчёта?

— Потому что не знаете, что в него писать.

Уголок его рта дрогнул.

Салтыков придвинул кресло, но сел не возле кровати, а чуть поодаль. Так садятся следователи, которые не хотят казаться следователями.

— Я мог сообщить императрице, что вы притворялись больной.

— Но не сообщили.

— Мог написать, что вы намеренно просили священника,

чтобы произвести впечатление.

— И этого не написали.

— Мог упомянуть, что вы задаёте вопросы о дворе, запоминаете имена и умеете направлять разговор туда, куда вам нужно.

Екатерина сложила руки поверх одеяла.

— Вы хотите благодарности?

— Я хочу понять, за что однажды могу поплатиться.

Это было честнее, чем она ожидала.

Она посмотрела на него внимательнее. Салтыков не был человеком, которого можно купить одним обещанием. Ему требовалась причина. Не обязательно благородная, но убедительная.

— Вы ничем не поплатитесь, если я не представляю опасности.

— Все представляют опасность. Особенно те, кто уверяет в обратном.

— Тогда отчего вы промолчали?

— Любопытство.

— Плохая причина.

— Пока единственная.

Екатерина отвернулась к окну. За стеклом лежал холодный, белый Петербург, совершенно не похожий на города, где она когда-то проводила кампании. Здесь не было ни телевидения, ни социальных сетей, ни мгновенных опросов. Но люди оставались людьми. Они верили слухам, искали выго-

ду, боялись одиночества и любили чувствовать собственную значимость.

— Я хочу выжить, — произнесла она.

— Для этого не обязательно устраивать представление со священником.

— Обязательно, если вокруг ждут, что я окажусь бесполезной немецкой девочкой.

— Вам пятнадцать.

— Именно поэтому меня считают неспособной понимать, что происходит.

— А вы понимаете?

— Достаточно, чтобы бояться.

Сергей подался вперёд.

— Чего именно?

Ответов было слишком много. Неудачного брака. Унижения. Изоляции. Восемнадцати лет ожидания. Собственного знания о будущем. Ошибки, которая способна изменить всё.

— Что однажды меня отправят обратно, — сказала она.

Это было правдой. Просто не всей.

— И вы решили стать незаменимой?

— Сначала — приемлемой.

— Скромная цель.

— Реалистичная.

Он несколько мгновений изучал её лицо.

— Вы не похожи на человека, который согласится остановиться на приемлемости.

Екатерина улыбнулась.

— А вы не похожи на человека, который докладывает о каждом моём шаге.

Удар достиг цели. В глазах Салтыкова мелькнуло раздражение.

— Не принимайте одно умолчание за преданность.

— Не принимаю. Преданность нужно выращивать.

Он поднялся так резко, что кресло царапнуло ножками пол.

— Люди не растения, принцесса.

— Поэтому с ними труднее.

Сергей дошёл до двери, но Екатерина окликнула его:

— Граф.

Он обернулся.

— Скажите императрице, что я прошу позволить мне продолжить занятия русским, как только лекарь разрешит вставать.

— Только это?

— Пока да.

— А если она спросит, почему?

— Потому что я хочу понимать молитвы без переводчика.

На этот раз он не сумел скрыть улыбку.

— Вы быстро учитесь.

— Я просто стараюсь не повторять ошибок.

Когда он ушёл, в комнату проскользнула молодая служанка с подносом. Тёмная коса, внимательные глаза, осторож-

ные движения. Екатерина видела её прежде, но не знала имени.

— Как тебя зовут?

Девушка испуганно замерла.

— Дарья, ваше высочество.

— Ты давно при дворце?

— Третий год.

— И всё замечаешь?

Поднос едва слышно звякнул.

— Я ничего не замечаю, ваше высочество.

— Значит, замечаешь очень многое.

Дарья побледнела. Екатерина взяла чашку, отпила разбавленного вина и сказала уже мягче:

— Не бойся. Мне нужны не чужие тайны. Мне нужно знать, что говорят обо мне.

— Зачем?

— Чтобы не повторять глупостей.

Служанка помедлила.

— Говорят, вы очень хотели увидеть русского священника.

— Это правда.

— Ещё говорят, будто вы плакали, когда он ушёл.

Екатерина не плакала. Но слух получился хорошим.

— А кто говорит?

— Все понемногу.

Это означало, что источник уже не установить. Идеальный

результат: история потеряла автора и стала общей.

— Если услышишь что-нибудь ещё, скажи мне.

— Граф Салтыков велел докладывать ему о разговорах в ваших покоях.

— Докладывай.

Дарья вскинула глаза.

— Всё?

— Почти всё. Если сомневаешься, говори правду. Ложь плохо запоминается.

Служанка кивнула, хотя явно ничего не поняла.

Екатерина снова посмотрела в окно.

Первый слух разошёлся удачно. Первый наблюдатель оставил дыру в отчёте. Первая служанка призналась, кому должна доносить.

Однако это не было победой.

Просто теперь Екатерина знала цену молчания Салтыкова.

Пока ею оставалось любопытство.

Следовало сделать так, чтобы оно стало интересом, затем уважением — и только потом чем-нибудь более надёжным.

Глава 7. Три двора

Через четыре дня ей разрешили встать.

Мать явилась с раннего утра и немедленно раскритиковала её платье, причёску, цвет лица и манеру держать чашку. Иоганна говорила быстро, перескакивая с одного упрёка на другой, словно боялась, что дочь успеет вставить слово.

— Ты должна казаться здоровой, но не слишком весёлой. Скромной, но не испуганной. Умной, но не настолько, чтобы раздражать императрицу. И ради всего святого, перестань так смотреть на людей.

— Как?

— Словно решаешь, куда их поставить.

Замечание попало в цель.

— Я просто стараюсь запомнить имена.

— Необязательно помнить всех.

Екатерина застегнула браслет.

— Обязательно.

— Слуги не имеют значения.

— Слуги открывают двери.

Иоганна закатила глаза. Для неё двор состоял из людей, чьи титулы можно было предъявить как рекомендательные письма. Она не замечала тех, кто приносил записки, разжигал камин, подавал кареты и слышал разговоры через тонкие перегородки.

В прошлой жизни Екатерина называла это ошибкой верхнего этажа. Руководитель смотрит только на тех, кто сидит с ним за столом, и не понимает, что его репутация создаётся в коридорах.

После завтрака начался русский урок.

Учитель, сухой пожилой человек по имени Василий Адауров, приготовился объяснять падежи, но Екатерина попросила его написать три выражения:

«Благодарю вас».

«Как здоровье вашей семьи?»

«Я помню, что вы мне говорили».

— Последнее слишком трудно, — заметил Ададунов.

— Поэтому я и хочу его выучить.

— Для беседы при дворе вам нужнее названия кушаний, предметов одежды и родственных связей.

— Я хочу говорить не о кушаньях.

Учитель внимательно посмотрел на неё, затем медленно вывел фразу. Екатерина повторила. Акцент был тяжёлым, согласные не слушались, язык уставал. Она повторила снова.

На шестой раз Ададунов одобрительно кивнул.

— Для чего вам именно эти слова?

— Люди любят, когда их помнят.

— При дворе это иногда опасно.

— Забывать опаснее.

После урока она попросила Дарью принести листы бумаги. На каждом написала имя человека, с которым уже встречалась. Под именем — происхождение, семейные связи, интересы, страхи, отношение к ней.

Карточек получилось двадцать три.

Императрица Елизавета: любит красоту, церемонии, преданность; боится заговоров и неблагодарности.

Иоганна: тщеславна, нетерпелива, хочет влиять на всех; не понимает собственной прозрачности.

Пётр: увлечён солдатиками, резок, болезненно чувствите-

лен к насмешкам.

Салтыков: наблюдателен, скрытен; любит правду, если она не направлена против него.

Возле последнего имени Екатерина задержалась.

Она хотела написать: «опасен».

Подумав, добавила: «Не уверен, на чьей стороне».

Карточки она спрятала под подкладкой дорожного сундука. Тайник был примитивным, но пока никто не искал у пятнадцатилетней принцессы систему анализа окружения.

К вечеру её пригласили в малую гостиную. Это было первое появление после болезни.

Екатерина заранее определила три аудитории.

Первая — императрица. Для неё нужно было быть почтительной и благодарной.

Вторая — придворные. Им следовало показать, что немецкая принцесса быстро осваивается, но не претендует на внимание.

Третья — слуги. Именно они должны были разнести правильные подробности.

Елизавета сидела у камина в платье серебристого цвета. Рядом находились несколько дам, Пётр и Салтыков. Наследник выглядел скучающим и сразу отвернулся, когда Екатерина вошла.

Она поклонилась императрице.

— Ваше императорское величество, благодарю за заботу. Фраза прозвучала неуклюже, но по-русски.

Елизавета оживилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.